

last one is the most notorious but undoubtedly the best. The trial story of a servant absconding with his master's wife is set in the world governed by symbolic dichotomy: on the one hand the mansion and the colleries, on the other the wood. The characters belong to either of the two worlds, the former being a symbol of death, the latter - of life. The heroine's journey towards nature and passion epitomizes Lawrence's conviction that only through passion and union with nature can man be saved in the industrially crippled world. Scenes of love, seemingly obscure and thus the sexual element becomes ancillary to the general conception of the novel.

Bibliografia

1. Daleski H.M., The Forged Flame, London 1965, s. 258 -311.
2. Draper R.P., ed., D.H. Lawrence. The Critical Heritage, London 1970.
3. Goode John, D.H. Lawrence /w:/ Sphere History of Literature in the English Language, Vol.7, The Twentieth Century. Ed. Bernard Bergonzi, London 1970, s. 106 -152.
4. Kerstode Frank, Lawrence, Fontana 1973, s. 122 -132.
5. Lawrence D.H., A Propros of Lady Chatterley's lover and Other Essays, Penguin Books 1961.
6. Moynahan Julian, The Deed of Life, Princeton 1963, s. 140 - 171.
7. Sackowski Macław, Postlowe do: D.H.Lawrence, Kobieta i daw, Warszawa 1971, s. 303 - 317.
8. Sanders Scott, D.H.Lawrence. The World of the Major Novels, London 1973, s. 170 - 195.
9. Vivas Eliseo, D.H.Lawrence. The Failure and the Triumph of Art, London 1961 s. 119 - 149.

LUBELSKIE MATERIAŁY NEOFILOLOGICZNE • 1976

Helena Klimkowska

10 ostatnich powieści Fawzyl Iskandera¹

Szegorską literaturę нельзя рассматривать, как только русскую; она многонациональна. Уже в первые послеволюционные годы начатся сложный процесс создания национальной литературы ряда небольших народностей. Они в короткий срок пятидесяти лет полностью овладели классическим наследием русской и мировой литературы, сохранив одновременно и развивая свои национальные особенности.

Большинство современных национальных писателей в совершенстве владеют русским языком, что дает им возможность самим делать русские переводы собственных произведений. Благодаря этому более полно но сохраняется в них своеобразие и специфическая окраска. Одним из примеров является молодой талантливый абхазский писатель Фавзил Исхандер, в творчестве которого отражена повседнежная жизнь абхазского народа. В зових произведений писателя стремится показывать какое значение для процессов формирования характера молодого человека имеют старье народные традиции. Они, как бы поставлены в душе ребенка, растут, развиваются, живут в нем всю жизнь.

Для его творчества характерен прием автобиографичности. Рассказы написаны от первого лица героя-подраста с одноименным как бы прототипом его "двойником" в лице его же, но уже взрослого человека. Это дает писателю возможность как бы с перспективой лет оценить детство и выделить моменты, имевшие главное, важное значение в развитии характера. Писатель как бы идет в детстве те нравственные основы, которые стали фундаментом индивидуального характера героя. Этим обусловлено стремление писателя, на примере

1. Фавзил Исхандер: Время счастливых находок. Рассказы и повести. Москва, Изд. "Молодая гвардия", 1973, 432.

воспоминания, связанного с детством, проведенными среди народных традиций и обычаев, раскрыть глубину сложного характера современника. Для полного понимания которого опыты-таки необходимо знать историю, традиции, быт и нравы данного народа. Поэтому фазиль Искандер прав, уделяя им так много места в своих произведениях. Писатель близки толстов кие методы изображения детства: «оживил с ее неопределенности», чистой незамутненной житейской логикой и простотой.

Перед нами то книга "Время счастливых находок". В этот сборник вошло одиннадцать рассказов и две повести. Все произведения объединяет одна тема: становление и формирование характера человека, начиная с детских лет, через юность до зрелости. Первое слушение от этой увлекательной книги — ощущение свежести и теплоты.

Все произведения спленированы общим героем. Начиная с первого рассказа книги "Пегух" и кончая повестью "Созвездие Козлотура", мы знакомимся с героем, бегим узнаем его и проходим к нему глубокую симпатию. Если в рассказе "Пегух", "Мой друг самых честных правил", "Мой школьный первый день" он еще маленький, беззаботный как все дети, ребенок немножко плутоватый, жадноватый, от-важно, хотя и с замиранием сердца волгавший в бой с еще более "сваданным" пегухом — то в рассказах "Юлиги и срастии", "Мухоморки слены", "Время по часам", "Тринадцатый полдень Таракана" он уже подросток, который также жизнелюбив, но далеко уже не беззаботен. Он начинает самостоятельную мыслить, много, что происходит вокруг понимать, он уже анализирует поступки и заодно задумывается над жизнью взрослых.

Постепенно мы прослеживаем как он мужает, крепнет, прохоя трудную школу жизни, пока не станет взрослым. Этот путь не совсем легкий и не совсем простой.

В повести "Созвездие Козлотура" он предостает перед нами как уже красивый, молодой человек, который только что окончил факультет журналистики и начал работать в молодежской газете. Однако его не удовлетворяет эта работа, ему быстро надоели "вадумки вместо за-мыслов, живинки вместо живности, десетинки вместо веселья и даже плубинки вместо плубины". Он хочет настоящего дела "... Довольно легкомыслия", — думает он, — "надо принять участие в преобразовании мира, пора стать взрослым человеком, пора участвовать на равноту в настоящую взрослую газету, где занимаются настоящим взрослым делом."

Грудно передать в двух — трех строках содержание рассказа, ибо

они почти безфабульны, но читаешь их с увлечением. В каждом из них простого и интересно говорится о тех либо иных событиях, из которых герой делает определенные для себя выводы. Замечательна концовка рассказа "Время счастливых находок", где герой-двойник восклицает: "... в твердо понял: все потерянное можно найти — даже любовь, да-же юность. И только потерянную совесть еще никто не находил.

Это не так трудно, как может показаться, если учесть, что по расценности ее невозможно потерять". Глубоко личичен рассказ "Дом в переулке", о первой закатывавшей юности любви.

В детстве и юности Искандер ищет те нравственные основы, которые стали фундаментом индивидуального своеобразия в характере человека. Писатель придает значение богатым народным традициям Аз-казии, которые живо и красочно им описаны и которые оказали воз-действие на личность молодого человека. Мысль о том, что традиции посевные в душе ребенка, вырастают крепнут и ослысь в нем на всю жизнь, пробуждается сквозь все его произведения. И примеру в рас-сказе "Время по часам" герой следующими образом объясняет свою тер-пимость к боги: "мне было стыдно стонать или кричать — по-видимому, связывались окошки азербайджанского воспитания. У азербай /.../ доволь-но сильно развит в народных обычаях мотив превозмогания боли. /.../ окошки этого сознания во мне жгли и мне помогали ..."

Бросочно, сдержанно, с ноткой юмора "преподносил" нам Искандер образы своего народа. Истинный юмор звучит в моменте, когда проза-ини описывает азербайджанское постепеничество в повести "Созвездие Козло-тура", указывая героя "не живым" после съезденного и выпитого. Не-принужденно и весело предстает нам Искандер и других наблюдате-ную черту — сильно развитое чувство родовой связи. По словам авто-ра, если азербайц придет даже из Эфиопии и если в довазок он нуж-дается в помощи, то у него обязательно найдутся родственники в Аз-казии: дядюшкине деки, прадеки, троюродные бабы, тетки и их мно-точисленные дети, которые не оставят в беде, помогут.

В повести "Созвездие Козлотура" писатель хорошо предстали. связь своего героя с народом, родиной. Это как бы завершение той книги, которую он вел через всю книгу. Вспоминан детства, родные го-ры ры, село, простой здрозды быт односельчан, последнимим том дела, герой остро чувствует, что ему не хватает того, что было в детстве. Веселая интонация незаметно расценивается; задумчиво-личич-ным становится его монолог: "дедушкиного дома уже нет /.../. Даже если я там бывал редко, самой своей жизнью, своим очажиком, доброй

леням своих деревьев он помогал мне читать, делал меня сильным и уверенней в себе. Я был почти неуязвим, потому что часть моей жизни, мое начало шло в горах. Когда человек ощущает свое начало и свое продолжение, он шедшей и правильной распластает своей жизнью, и его трудней отразить, потому что он все свои богатства держит при себе."

Благодаря рефлексии взрослого "Двойника" героя, которые связаны с детством, Искандер раскрыл глубинный характер своего этого современника. Он прав уходя в своих провозвездных значительное место традициям, но только на фоне национального стает до конца ясно тот или иной характер. Закономерен у писателя также его подход к серьезному и высокому содержанию повести.

Вообще в книге свободно чередуются разные, почти подчас противоположные, стилистические пласты. В ней нередко можно встретить сарказм и юмор, свойственный сатире, а рядом - страницы, захватывающие своим остротой лиризмом, психологизмом. Кроме того автор дает нам также разнообразие и богатые оттенки энциклопедических сведений своего героя.

Искандера, как прозаика, интересует промежуточные, переходные моменты в психике подростка. Именно так на сцене настроений герой построена повесть "Ночь и день". Ночью у героя, под воздействием рассказа Дяди-Жулика возникает страх, неясность, сомнения - как же надо жить, но днем многое проясняется, становится на свои места, хотя также как и ночью "жизнь" плывет, захватывает и зовёт куда-то.

Удивляет и наполняет нас глубоким уверенным ставное и милое племя подростков Фазли Искандера. В них автор угадывает будущие человеческие характеры, складывающиеся в эти, почти детские годы. Его ребята - "принципиальный" народ, незамысловатых компьютеров, в них горно развито чувство добра и зла. "Детство верит, - говорит писатель, - что мир разумен, а все неразумное - это помехи, которые можно устранить, стоит повернуть нужный рычаг."

Искандер точно подметил самую тревожащую и самую глубокую черту детства - бессознательную веру в необходимость здравого смысла. Возник хотя бы рассуждения мальчика из рассказа "Дети и страсти" о всеубедительности кинокартин про шпионов, построенных против его логики. В самом начале легкой картины - думает он - книга кишит шпионами, но к концу какой из них миллионеры или программисты вылавливают всех до одного. А в следующей картине почему-то их опят полным-полно. Мальчик ловит себя на мысли, что хотел бы,

чтобы хоть один шпион сумел угадать и тогда завербует он расстреляемых, доверчивых розовцев, вызовет по приемнику новых шпионов из-за границы. Таким образом стает ясно, откуда они взялись в следующих картинах.

Также удивительно предсказки нам писатель удивительно способностью легкой и моментальной реакции на несправедливость и фальшь, которые так часто мешают и детям и взрослым во взаимной контакте и понимании друг друга. Наш герой на протяжении многих лет не может понять, зачем взрослые обманывают друг друга и лицемерят.

Писатель, как было упомянуто выше, близок тольстовский метод изображения детской психики, но не только; для него характерен также интерес и к внутренней динамике личности, находящейся в развитии, ищущей познания жизни и самого себя.

Он мастер духовной биографии.

Книга Искандера "Время счастливых находок" насыщена серьезными проблемами нашего времени. Читатель, отмечая изысканность эвристических деталей провозвещения, подумает о важности тех вещей, которые затрагивает автор; о месте человека в коллективе, порывчивости о поэзии, об отношении к природе, о культуре повествования, о долге. Однако следует подчеркнуть, что динамичность провозвещения Фазли Искандера не навязчива. Писатель как бы намеренно избегает обобщений и не выходит за рамки собственного житейского опыта, не хочет "поучать" читателя, хотя привлекает внимание к ним. В этом аспекте "Время счастливых находок" принадлежит к лучшим традициям советской психологической прозы.